Типология и топология сельского расселения: возможности и ограничения краткого изложения[1]

Рецензия на книгу: Быстрова Т. Ю., Мазаев Г. В. Сельское расселение: история и типология. Екатеринбург: TATLIN, 2024. — 108 с. ISBN: 978-5-00075-362-0

И. В. Троцук

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
119571 Москва, просп. Вернадского, 82.
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

EDN: EOISTS

Поиски оснований типологизации сельского расселения в фундаментальных и прикладных целях осложнены в российской (и не только) исследовательской традиции по крайней мере тремя обстоятельствами. Во-первых, расхождениями в трактовке понятия «тип»[2] (синоним вида/класса, цель или средство познания), что затрудняет определения типологии/типологизации (инструмент организации опыта, проверки гипотезы или упрощенного описания данных), а также «типологического метода/анализа» (например, в эмпирической социологии это и методологическая процедура, и особый аналитический «язык», и метаметодика[3]), не говоря уже о внутри- и междисциплинарных различиях в применении соответствующих статистических приемов и аналитических процедур (к повседневной реальности по А. Шюцу, к пространству свойств по П. Лазарсфельду, к аномическим стратегиям по Р. Мертону

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

2. Даже оставляя за скобками привычную повседневную метафоричность «типологий», которые лежат в основе устойчивых коллективных представлений и социальных стереотипизаций.

3. См. подр. в: *Татарова Г. Г.* (2007). Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М.; *Татарова Г. Г.*, *Бабич Н. С.*, *Кученкова А. В.* (2023). Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура / Отв. ред. Г. Г. Татарова, А. В. Кученкова. М.; *Троцук И. В.* (2024). Компендиум по типам «типологического» в социологии // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 24. № 3.

и т.п.). Объединяет это разнородное теоретико-методологическое поле признание, что с практической точки зрения типологии проясняют и упрощают концептуальные представления, особенно основанные на нечисловых данных, т. е. апелляция к типологии как диагностическому инструменту научного анализа позволяет «в методологическом плане решить проблему качественной однородности, а в прагматическом плане — реконструировать из данных такие группы, которые являются носителями одного и того же типа и их можно было бы интерпретировать как объект социального управления или контроля»[4].

Во-вторых, не утихают дискуссии между сторонниками и противниками гипертрофированного типологического единства (чрезмерной схематизации), которое удобно для государственного контроля/планирования/управления, склонного к упрощенным моделям, но не отражает реальное разнообразие жизненных укладов и повседневных практик. Сторонники аргументируют свою позицию тем, что, когда в основе типологии лежит один определяющий критерий, это значительно облегчает решение практических задач, пусть и за счет чрезмерного упрощения объективных реалий (отсюда многие неудачные государственные реформы «сверху»). Противники, напротив, настаивают на применении множества взаимосвязанных критериев, чтобы обеспечить более адекватное представление о действительности, пусть и за счет потери в прагматической полезности, особенно на макроуровне управления, где «чиновничья оптика» отдает приоритет унификации принимаемых решений.

В российской научной традиции можно обнаружить множество попыток построения типологий сельского расселения с разными акцентами — на типах населенных пунктов, типах территориальных сочетаний и даже типах сельско-городских взаимосвязей. Например, яркий представитель противников сельско-типологической унификации А. Н. Челинцев еще в начале XX века подчеркивал важность сравнительного анализа для понимания стадиальности развития организационных форм (типов) аграрного производства как основы регионального сельского разнообразия[5]. Отмечая необходимость учитывать одновременно экономические, материально-технологические, демографические и географические особенности сельского хозяйства, вместо того чтобы выделять типы аграрных

4. *Татарова Г. Г., Бабич Н. С., Кученкова А. В.* (2023). Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура / Отв. ред. Г. Г. Татарова, А. В. Кученкова. М. С. 119.
5. *Челинцев А. Н.* (1910). Сельскохозяйственные районы Европейской России как стадии сельскохозяйственной эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб.; *Челинцев А. Н.* (1992). Региональность как центральный вопрос сельского хозяйства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т. Шанин; под ред. А. В. Гордона. М.

районов исключительно по природным признакам, Челинцев использовал «метод генетического районирования» — построения типологии сельских районов по критерию пребывания на одинаковой ступени сельскохозяйственной эволюции (комплексного учета историко-экономического своеобразия районов, ключевых прошлых и нынешних тенденций их развития), соответственно, для разных типов предполагалась разработка особых стратегий сельскохозяйственного развития.

В позднесоветский период Т. И. Заславская предложила типологию на основе комплекса социально-экономических показателей (проблем): с помощью функционального подхода «выделялись крупные элементы аграрного сектора (сочетание экономики и социальной сферы), требующие разных программ развития»[6] по результатам оценки степени реализации внутренних и внешних функций (расселенческой, продовольственно-сырьевой, социально-пространственной, рекреационно-природопользовательской и демографической) объектами аграрного сектора. В результате сельские районы страны были распределены по типам согласно трем группам интегрированных показателей (демографическим, социально-расселенческим и производственным).

С. А. Ковалев, сочетая функциональный, морфологический и генетический/исторический подходы, обосновал четыре «типологические линии»[7], совмещение которых при условии наполнения фактическим материалом позволяет отчетливо увидеть специфику каждого региона, т. е. представил интегрированную региональную типологию[8], описывающую характерные черты сельских населенных пунктов в определенной местности. Сельские поселения при этом были разделены на сельскохозяйственные (преимущественно ориентированные на этот сектор экономической деятельности) и несельскохозяйственные[9]. Е. Е. Лейзерович разработал модель районирования территории России[10], поделив ее административно-территориальные единицы на части, которые состоят из нескольких сельских административных районов (города-центры, зоны влияния крупных, средних и малых городов, территории за пределами этих зон). 423 экономических микрорайона (как сочетания территориально-хозяйственных, расселенческих и инфраструктурных микросистем) были сведены в 11 типов (резерв-

6. Социально-демографическое развитие села: региональный анализ / Под ред. Т. И. Заславской, И. Б. Мучника. М., 1980. С. 43.
7. *Ковалев С. А.* (1963). Сельское расселение (географическое исследование). М.
8. *Ковалев С. А.* (2003). Избранные труды. Смоленск.
9. *Ковалев С. А.* (1957). Об экономико-географическом положении сельских поселений и его изучении // Вопросы географии. № 41.
10. *Лейзерович Е. Е.* (2004). Экономические микрорайоны России. М.; *Лейзерович Е. Е.* (2010). Сетка экономических микрорайонов России. Вариант 2008 года // Региональные исследования. № 4.

ный, пионерного экономического развития, дисперсного, относительно равномерного экстенсивного, чисто или преимущественно сельскохозяйственного освоения, в том числе с заметным развитием промышленности или с преобладанием промышленности малых и средних городов, концентрация хозяйственной деятельности в больших городах при равномерном освоении территорий, крупногородской и курортный), объединенных в три группы (курортный район не вошел ни в одну из них), и сегодня «районы Лейзеровича... могут служить элементами для сборки каких-то иных районов и зон, а равно и новой типологии»[11].

В-третьих, хотя официальная российская статистика разделяет городские и сельские населенные пункты по численности жителей и доле занятых в несельскохозяйственном производстве, такой дихотомический/бинарный вариант разграничения сельской и городской местности не отражает реалии сложной и многомерной системы расселения, где буквально в каждом населенном пункте можно обнаружить то или иное сочетание черт сельской и городской жизни. Так, Т. Г. Нефедова отмечала, что многие российские населенные пункты по численности жителей и внешнему виду напоминают села, но официально выполняют городские функции, и значительное число россиян (несколько десятков миллионов) проживает в полуселах-полугородах[12]. Поэтому при построении типологии сельской местности необходимо учитывать и природные ресурсы, и экономико-географическое положение относительно крупных городов и транспортных магистралей, и этнокультурный фактор (количественные и качественные характеристики человеческого капитала), и институциональные условия, и развитость рыночных структур, и мозаичные территориальные кластеры[13]. Соответственно, были выделены такие типы регионов (с подтипами), как: с благоприятными природными и социально-демографическими предпосылками развития сельской местности, преимущественно с аграрной специализацией; с благоприятными социально-экономическими предпосылками развития сельской местности пригородного типа с полифункциональной сельской экономикой; с социально-демографическими ограничениями и обширными зонами депрессий; с природно-климатическими ограничениями и слабой очаговой освоенностью.

Другой вариант преодоления сельско-городской дихотомии — модель сельско-городского континуума как подвижной пространственно-протяженной градации типов населенных пунктов

11. *Каганский В.* (2007). Районирование Лейзеровича: трудный подарок социологу // Социальная реальность. № 7. С. 82.
12. *Нефедова Т. Г.* (2003). Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М. С. 20–27.
13. *Нефедова Т. Г.* (2013). Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М. С. 347–348.

(от сельской разреженности к городским сгущениям) по критериям размера, плотности населения, степени разделения труда, изолированности, солидарности и отчужденности. Первоначально эта модель была предложена в 1920-е годы П. А. Сорокиным и К. Циммерманом[14], но в последние десятилетия переживает «ренессанс»[15] благодаря признанию «множественности сельско-городских континуумов, различающихся по пространственным и населенческим масштабам, строению, характеру связей»[16].

Столь нетипичное (длинное) для рецензий предисловие призвано объяснить, почему книга «Сельское расселение: история и типология» не могло не привлечь внимания заинтересованного в сельско-типологических изысканиях читателя и в то же время не породить у него странного ощущения обманутости. С одной стороны, вряд ли следовало питать особые надежды в отношении книги столь небольшого объема — 108 страниц, что крайне мало для монографии в принципе, не говоря уже о работе, где выдержана строгая структура научного издания — помимо основной части из четырех глав, присутствуют введение, заключение и объемная библиография (в совокупности это значительное число страниц). С другой стороны, книга в аннотации заявлена именно как научная монография (но по истории и топологии сельского расселения, хотя в названии фигурирует типология, а в тексте часто упоминаются типичные кейсы), авторы которой, «наряду с более традиционным историко-генетическим подходом используют системный и типологический методы, позволяющие увидеть способность системы сельского расселения [к чему?] и организации ее отдельных элементов, взаимосвязи сельской и городской систем расселения», с акцентом на специфике уральского сельского расселения (с. 4).

Безусловно, с учетом ограниченного объема текста взятые на себя обязательства авторы все же выполнили: в первой главе реконструирована методология изучения системы сельского расселения, исходя из трактовки «классической российской деревни» как неразрывно «связанной с ландшафтом и природными ритмами» (с. 18), обоснованы достоинства и ограничения метода классификации (с конкретными примерами классификации

14. *Sorokin P., Zimmerman C. C., Galpin C. J.* (1930). A Systematic Source Book in Rural Sociology. Minneapolis. Vol. 1; *Sorokin P. A., Zimmerman C. C.* (1929). Principles of Rural-Urban Sociology. New York.
15. См., напр.: *Marsden T. K.* (2013). Sustainable place-making for sustainability science: The contested case of agri-food and urban-rural relations // Sustainability Science. Vol. 8.
16. *Трейвиш А. И.* (2016). Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения // Демографическое обозрение. Т. 3. № 1. С. 54. См. подр. в: *Троцук И. В.* (2023). Сельский человеческий капитал в концептуальной оптике: континуум и/или пост-изм? // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 23. № 2.

сельских систем расселения по разным критериям) и показаны преимущества системного подхода применительно к Свердловской области. Здесь выделены «линейные структуры различной планировочной формы, и наиболее распространены (типичны)... сформированные линейными объектами — реками и дорогами» (с. 26), «субсистемы, обладающие внутренней связностью» (с. 27), а восточный сектор Екатеринбургской агломерации рассмотрен как «наиболее сложная планировочная форма сельского расселения у крупнейших городов — центров агломераций» (с. 30). В целом те разделы книги, что описывают конкретные населенные пункты или особенности сельского расселения в Свердловской области, — ее наиболее содержательная и интересная часть, наполненная фактографическим, аналитическим и иллюстративным материалом.

Во второй главе охарактеризованы обстоятельства и проблемы российского сельского расселения на основе статистических и исторических данных, выделены две его системы и три этапа становления в нынешнем формате, отмечены особенности и региональные вариации российской урбанизации. Как и в других разделах, здесь представлена попытка охватить продолжительные исторические периоды (в контексте решения «крестьянского вопроса»), но в силу ограниченного объема книги описания получились фрагментарными. Авторы видят два типа проблем в теоретическом осмыслении и прикладном разрешении «объективных диспропорций сельского расселения»: во-первых, это ориентация большинства научных работ либо на обобщение статистических данных, либо на типологические построения в ущерб «исторически сложившейся структуре сельских поселений, диктуемой как образом жизни и ментальностью [!], так и достаточно разнящимися природно-климатическими особенностями различных территорий», т. е. отказ от комплексного анализа; во-вторых, «порой социально-экономические меры по развитию села (его экономики и финансов, социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры) не увязываются воедино с градостроительными задачами по развитию сельской системы расселения в целом... его территориальными и социальными аспектами и реалиями» (с. 36–39).

Неоднородность российской системы расселения авторы связывают и с ее историей, выделяя здесь следующие этапы (с. 44–50): первоначально доминировала сельская система расселения (как и повсеместно в мире) — природосообразная, ресурсосберегающая, адаптивная, дисперсная и саморегулируемая, но постепенно становящаяся относительно автономной система городского развития изменяла и деформировала эти базовые характеристики; затем формирование городских центров определило как своеобразие, так и взаимное тяготение сельской и городской систем расселения; активная фаза промышленной революции дала старт бурной урбанизации и активному «поглощению» сельской систе-

мы расселения городской вследствие экспансии первой и обусловленной ею деградации села. В результате «при доминировании урбанизационных процессов возникают комбинации элементов двух систем»: «городская система вторгается в сельскую, пытаясь создать агрогорода», а «сельская система расселения закономерно, но неэффективно пытается вернуть свои территории, вторгаясь в городскую инфраструктуру» (с. 50). Неуспешность попыток государства сбалансировать эти «вторжения» авторы объясняют тем, что акцент делается на укрупнении, но оно «ведет либо к полному разрушению и практическому исчезновению сельских населенных пунктов, либо к созданию неработоспособной системы, не имеющей экономической базы для существования», поэтому настаивают на «поиске новых, более адекватных современным реалиям путей и механизмов» на основе «учета своеобразия отдельных поселений и их контекста» [скорее все же не отдельных поселений как таковых, а типов поселений в типичных контекстах сельско-городского и муниципально-регионального взаимодействия] (с. 55).

В третьей главе сопоставлены особенности сельской и городской систем расселения с учетом таких градостроительных показателей, как наличие центров и связей между ними. Различия этих двух «целостностей разного масштаба, как спонтанно сложившиеся в ходе истории, так и целенаправленно формируемые», авторы связывают, прежде всего, с разным типом сложности: со структурно планировочной точки зрения «сельская система расселения превосходит городскую по количеству элементов, ее образующих» (с. 59), причем исторически «городские планировочные системы формировались внутри сельских систем в процессе их усложнения и смены типологических планировочных элементов», т. е. «город — результат преобразования больших планировочных систем в сложные», он «состоит из разнородных типологических планировочных подсистем (квартал — микрорайон — район — планировочный район — планировочный узел)» (с. 61). Разный уровень сложности определяет и разную стратифицированность сельской и городской систем расселения — как, соответственно, высоко и низко стратифицированных: «от количества уровней в иерархии зависит количество моделей описания поведения и вариантов реализации этих моделей» (с. 61), поэтому «градостроительные модели сельской системы расселения просто не из чего строить» (с. 62).

Городская система расселения имеет больше возможностей для развития и более мобильна, что «определяет ее опережающий рост и постоянное сворачивание сельской системы» как пространственно простой, низко стратифицированной, инерционной и способной развиваться только экстенсивно, что «не создает возможностей для разработки ее обобщенных теоретических моделей, ведет к слабости и неразвитости методической базы исследований и объясняет статистический и абстрактно-типологический варианты ее из-

учения» (с. 63) [с этим сложно согласиться, даже если опираться только на библиографический список самой книги]. В то же время авторы разделяют предположение о формировании в России сельско-городских территорий с центробежным и центростремительным векторами развития (с. 63).

Завершает третью главу описание специфики расселения в российских индустриальных районах, где сельская система имеет внутренне противоречивый характер (вследствие не только урбанизационных процессов), «поэтому на нее нельзя распространять рецепты городской планировки и коммуникаций» (с. 66). В качестве примера рассмотрена сельская система расселения в Свердловской области: в написанном широкими мазками историко-статистическом очерке отмечено завершение урбанизационного перехода в конце 1980-х годов, опустошающий миграционный отток в северной части региона и ослабление каркаса системы расселения в северо-восточной, сверхконцентрация населения в Екатеринбурге в отсутствие городов второго уровня иерархии и постепенная «административная рурализация» (завышение численности сельского населения за счет административных переименований) (с. 73).

И, наконец, в четвертой главе дан прогноз развития российской системы сельского расселения и некоторые градостроительные рекомендации по ее оптимизации. По мнению авторов, одна из ключевых проблем сегодняшнего дня — квазицентры сельских поселений как фактор их деградации: «точки, которые планировочно и административно являются центральными, не выполняют функций центра» (часто в результате произвольного переноса официального центра с его исторической позиции), «объекты в этом центре частично утратили свой первоначальный смысл», «появляются более значимые для жизнедеятельности поселения точки на его периферии», что «приводит к утрате исходной целостности поселения, механически соединяющего в себе сельские и городские решения, сельский и городской образ жизни» (с. 81–82).

Говоря об оптимизации сельского расселения, авторы перечисляют применявшиеся в СССР и в постсоветский период виды планировки районов и методы организации систем расселения, отмечая, что любые попытки механического объединения «сверху» уничтожают сетевой характер сельского расселения, делая его более примитивным, что ведет к его постепенной деградации (обезлюдению и сжатию освоенного пространства). Признавая необходимость «преодоления асимметрии социально-экономического развития... и дифференциации сельских поселений», авторы полагают, что пока все принимаемые меры носят либо декларативный, либо административно-регулирующий характер, а потому ведут лишь «к пространственному сокращению расселения и депопуляции» (с. 90). Свой прогноз развития системы сельского расселения

для староосвоенных промышленных регионов авторы делают на основе предложенной Т. Г. Нефедовой модели территориальных зон сельского расселения, модифицируя ее с градостроительной точки зрения: пригород — центральные и прочие города агломерации, полупригород — ближняя зона центрального города, полупериферия — межселенное пространство первого пояса агломерации, периферия — межселенное пространство второго пояса, дальняя периферия — межселенное пространство за пределами агломерации (с. 91–92).

В книге неоднократно упоминается принципиальная гуманистическая позиция авторов, настаивающих, что ни один управленческий сценарий в сельской и аграрной сферах (в контексте обеспечения продовольственной и экологической безопасности, рационального природопользования и социальной устойчивости, сбалансированного расселения и социально-экономического равенства) не должен игнорировать «процессы на низовом уровне... заботы и нужды конкретного человека», что требует «аргументированных и неслучайных действий» и «глубинного непредвзятого анализа, учитывающего климатическую, этническую, экономическую региональную специфику во всем ее многообразии» (с. 7), в целях «поиска наиболее адекватных сегодняшнему дню шагов в сельской системе расселения с учетом разницы территорий» (с. 8). Тем более что «современное сельскохозяйственное производство [и сельская жизнь в целом] меняется... способствуя сближению города и села... укрупняется, технологизируется, использует новые инструменты (цифровизацию) и коммуникации» (с. 8). Со многими идеями авторов нельзя не согласиться, особенно когда речь заходит о государственных проектах/программах сельского развития, которые постоянно загоняют себя в тупик попытками устранить «хронические болезни» российского села посредством разных методов и вариантов территориально-административного укрупнения.

В то же время в книге встречаются и спорные утверждения, а в ее представительной библиографии указаны источники, подобные утверждения не подкрепляющие. Например, противопоставление «традиционализма и консерватизма сельского расселения и населения» [многие сельские поселения возрождаются благодаря предприимчивости местных жителей или вернувшихся/переселившихся горожан] «инновационной активности индустриальных городов» [многие находятся в упадке, особенно моногорода] (с. 8); противопоставление системы городского расселения как «гомогенного» сельскому расселению как «состоящему из большого числа отдельных локальных и зачастую не связанных между собой структур, преимущественно линейного типа» [сегодня более дифференцировано городское пространство, особенно в мегаполисах] (с. 17); «тезис о невозможности или, по крайней мере, неэффективности изучения систем сельского

расселения по аналогии с городским или исключительно в неразрывном единстве с ним (по причине исходно большей связи сельского расселения с природными компонентами, тяги к стабильности и простой организации)» [это противоречит концепции сельско-городского континуума] (с. 17); тезис о «слабой разработанности проблематики сельского расселения» [в последние годы опубликовано множество работ, основанных на статистических, исторических, социально-географических и социологических данных] (с. 40); неоднократные упоминания «классической российской деревни» [ее внешний облик и внутренняя структура неоднократно менялись даже при сохранении связи с ландшафтом и природными ритмами].

Отчасти эти спорные утверждения можно объяснить тем, что авторы книги — специалист в сфере дизайна и культурологии и архитектор, тогда как значительная часть научной литературы по вопросам сельского расселения написана представителями экономических, географических и социологических дисциплин. Однако некоторые особенности книги, способные несколько расстроить заинтересованного читателя, рассчитывавшего на иные содержательные акценты, скорее обусловлены не профессиональной специализацией авторов, а тем, как была «сделана» монография. В тексте неоднократно упоминается, что это «НИР», а во введении перечислены ее весьма масштабные задачи («обобщить и систематизировать методологию изучения и научные данные разных лет по закономерностям развития сельской системы расселения, попутно [!] уточняя понятийный аппарат», «показать пути приостановки деградации системы сельского расселения в России», «влияние урбанизации на систему сельского расселения, включая ее индустриальные регионы», «разработать параметры методики оптимизации сельского расселения» и т. д.), выделены шесть подходов (междисциплинарный, исторический, территориальный, типологический, динамический и региональный), заявлено использование сравнительного историко-генетического градостроительного анализа, концепции технологических укладов, теории центральных мест и других подходов и методик в рамках «полимасштабного», иерархического и разноаспектного анализа, а на эмпирическом уровне — «сочетание картографического анализа и полевого обследования ключевых репрезентативных [можно говорить только о типичных] объектов и систем» (с. 12–14). Однако примерно восьмидесяти страниц объективно недостаточно, чтобы решить все поставленные задачи и выполнить данные обещания. Видимо, в силу каких-то серьезных причин авторы механически, без соответствующей редактуры, сократили объемный отчет по научно-исследовательской работе, превратив его в набор несколько разрозненных содержательных блоков, которые непропорциональны исходному тексту и составили предложенный читателю «реферат».

Typology and topology of rural settlement: Possibilities and limitations of a brief presentation[17]

Review of the book: Bystrova T.Yu., Mazaev G. V. (2024) Rural Settlement: History and Typology. Yekaterinburg: TATLIN. 108 p. ISBN: 978-5-00075-362-0

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, 119571, Moscow.
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

17. The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research program